

Кир Булычев

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 90

Оформление обложки Егора Саламашенко

Булычев К.

Б 90 Театр теней : романы / Кир Булычев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 1024 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27631-4

Кир Булычев — вторая величина в отечественной фантастике XX века после братьев Стругацких. Несколько поколений читателей выросло на его книгах, а первая читательская любовь долговечна и не проходит с годами. Основатель Великого Гусляра, крестный папа Алисы Селезневой, девочки из будущего Земли, летописец трудов и дней доктора Павлыша и его друзей из экипажа межпланетного звездолета «Сегежа», лоцман на реке Хронос, соединяющей во времени разные берега России, — Кир Булычев многомерен, как сама жизнь, в его литературной вселенной есть место и шутивому розыгрышу, и едкой, беспощадной иронии, и мудрости ученого и провидца.

Действие романов трилогии «Театр теней» происходит в «теновом» мире — мире, параллельном тому, в котором живем мы с вами, мире, где отсутствует смерть, здесь время стоит на месте. Главный герой трилогии с говорящей фамилией Гагарин, инопланетянин-подкидыш, найденный 12 апреля (отсюда и такая фамилия), вместе с другими учеными из Института экспертизы исследуют этот странный мир, полный опасных тайн и населенный отнюдь не ангелами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-27631-4

© Кир Булычев (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ

Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игры не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет тобой.

Омар Хайям

ПРОЛОГ

В комнате было душно, хотелось устроить сквозняк, но Манана сразу закрывала окно, потому что у нее был хронический бронхит.

— Сейчас бы пива выпить, — сказал Крогиус. Ему было так жарко, что очки вспотели.

— Катрин ждет моего звонка, — сказал я.

Только убежденный мазохист мог отправиться на свидание в шесть вечера, в разгар летней жары, подобной которой не припомнят даже ветераны-синоптики.

— У бывшего памятника Свердлову, — сообщил Крогиус, — поставили белые столики.

Я набрал номер.

Хорошо бы Катрин отказалась от свидания — у нее незапланированное профсоюзное собрание: ее лаборатория намерена голодать, пока не выплатят зарплату за февраль.

Катрин сразу взяла трубку, словно сидела у телефона и ждала моего звонка. Такой преданности я недостойн.

Первым делом Катрин сообщила, что я мог бы позвонить раньше. В такую жару даже самые нежные девушки становятся сварливыми.

Крогиус положил хозяйственную сумку рядом с телефоном. Из нее вывалился пакет с сахарным песком. Значит, Света ждет его, чтобы ехать на дачу, где идет подготовка к варке вишневого варенья. Крогиус нависал надо мной, глядя сверху собачьими глазами.

Катрин говорила так тихо, что я ничего не понимал.

— Говори в трубку! — потребовал я.

— Я и так кричу, — ответила Катрин.

— Гарик, — попросил Крогиус, — я совсем забыл. Светка вот-вот уйдет с работы. Мне тогда лучше не жить.

— Полчаса телефон был свободен, — сказал я. — Неужели надо было ждать, пока я возьму трубку?

— Но ты же знаешь, какой у Светки характер!

- Ты меня еще слушаешь? — спросила в трубке Катрин.
- И очень внимательно.
- Повтори, что я только что сказала.
- Мы с тобой встречаемся через двадцать пять минут. Там же,

где всегда.

- А мне показалось, что ты меня не слушаешь.

- Все, — сказал я, нажал на рычаг и протянул трубку Крогиусу.

У выхода я врезался в девочку Соню из библиотеки. Почему-то ей захотелось выяснить со мной отношения в момент окончания рабочего дня. Соня сообщила, что у меня закрыт абонемент, потому что я не вернул шесть книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере три из них взял Гамлет. Гамлет уехал к себе в Армению, которая тут же стала независимым государством.

Покончив с неприятностями, Сонечка согнала с лица строгость и ласково спросила:

- Вы будете выступать в устном журнале?

А может, она не Сонечка? Розочка? Или Розалинда?

- К сожалению, я отбываю в командировку, — ответил я и улыбнулся, как известный французский актер.

Сонечка узнала во мне Жан-Поля Бельмондо и сказала, что у меня дар к перевоплощению. Во мне погибает великий артист. Я и без нее знал, что у меня есть дар к перевоплощению. Но погибает ли во мне великий артист?

- Как жаль, что вы не учитесь!

- Я уже все науки выучил.

- Ах, вы ужасный шутник!

- Я не шутил.

- С вами так интересно! Вы добрый.

- Вы заблуждаетесь, девушка, — возразил я. — Я только притворяюсь добрым. На деле же я...

Я осекся, потому что чуть было не показал ребенку голодного крокодила. Она бы испугалась до смерти.

На улице было даже хуже, чем в нашем полуподвале. Чтобы убить время, я пошел пешком. У подземного перехода продавали поникшие тепличные розы. Нет, если я куплю этих плакальщиц, то рядом с Катрин буду выглядеть неудачливым женихом.

Я вышел к памятнику Пушкину. У ног монумента лежал вылинявший букетик васильков.

Меня охватило странное чувство, будто все это уже было — и духота, и васильки, и фотограф у переносного стенда.

Я подошел к полукруглой мраморной скамье в тени недавно распустившихся лип. Катрин опаздывала. Я сел на пустой край скамьи. На скамейках потели туристы с покупками, с ними попеременно сидели старички-ветераны со свернутыми плакатами, ожидавшие начала демонстрации или митинга протеста, и кавалеры вроде меня.

Катрин пришла не одна.

Сбоку и на полшага сзади брел большой широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался проходимцем. Над красным лбом нависал козырек белой кепочки. Будь чуть прохладнее, он напялил бы свободно ниспадающий пиджак.

Я разглядывал мужчину, потому что Катрин не надо было разглядывать. Со вчерашнего дня она не изменилась. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей еще велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин издали увидела меня, подошла к скамейке и опустилась рядом со мной. Мужчина сел с другой стороны, потеснив злого ветерана с комсомольским значком на черном пиджаке. Катрин сделала вид, что меня не знает, я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина бодро сказал:

— Какая жара! Самое время для теплового удара.

Катрин, окаменев, смотрела прямо перед собой, а мужчина замолк, любуясь ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее обнаженной руки, но он не осмеливался, и его пальцы, приподнявшись, нависли над ее кистью.

Лицо мужчины было мокрым, на кончике носа собиралась капля.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя на меня, прошептала:

— Превратись в паука! Испугай его до смерти. Только чтобы я этого не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся наконец до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Тогда я наклонился вперед, и он вздрогнул от неожиданности.

Мне надо было встретиться с ним взглядом.

Затем я превратился в очень большого паука.

У меня было круглое тело в полметра диаметром и метровые мохнатые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные желтым смертельным ядом.

Мужчина не сразу сообразил, что же случилось.

Он зажмурился, но не оторвал пальцев от локтя Катрин.

Тогда я был вынужден превратить Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод хитинового панциря.

Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди, а другой рукой прикрыл глаза.

— Черт возьми! — произнес он. Ему показалось, что он заболел. Как многие большие вялые мужчины, он был мнителен. Но, веря в здравый смысл, он заставил себя еще разок взглянуть на меня.

Тогда я протянул к нему передние лапы с когтями.

И он убежал.

Ему было стыдно убежать, но он не мог ничего поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками. Старики начали подниматься, решив, что пришла пора народного гнева.

Катрин заразительно засмеялась, привычным жестом откинула с лица тяжелую русую прядь.

— Спасибо, — сказала она. — У тебя это здорово получается. Если бы я не знала, наверняка бы испугалась. Хотя не поняла, что ты натворил на этот раз.

— Я превратил тебя в паучиху соответствующего размера.

— Как тебе не стыдно!

— Куда мы пойдем? — спросил я.

— Куда хочешь, мой властелин, — сказала Катрин.

— Я хочу пить пиво в парке и лежать на траве.

— Я слышала, что в Москве учредили полицию нравов, — заметила Катрин.

— Я постараюсь скромно валяться на траве и сдержанно пить пиво.

— У меня так не получится. Правда, там, наверное, много народу.

— Все, кто обладает средствами или садовым участком, толкуются в электричках, — сказал я. — В парке остались только бомжи.

— Тогда пошли в метро.

— Может, поймаем машину? — спросил я.

— Тебе нравится шиковать, мой воздыхатель, — возразила Катрин. — Шикуй в одиночестве, я трижды обгоню тебя в метро.

Мне хотелось принять вызов, но тогда бы я лишился общества Катрин. А мне не хотелось его лишаться.

Вагон был набит, почему-то каждый второй пассажир вез остроконечный садовый инвентарь, а другая половина волокла чемоданы и сумки на колесиках. Но на «Комсомольской» все эти страш-

ные потные люди выжались из вагонов, как паста из тубика. Стало свободно, и даже можно было сесть.

— Жалко, — сказал я. — Жалко, что стало так свободно.

— Ты мазохист! — шепотом воскликнула Катрин.

— Нет, сладострастник, — возразил я. — Толпа так сладко прижимала меня к твоей груди.

Катрин чуть растерялась. Ее синие глаза сузились от неуверенности: то ли рассердиться на меня, то ли отыскать достойный ответ. Она предпочла второе.

— И как тебе моя грудь? — прошептала она.

— Твоя грудь божественна, — сказал я. — Ты можешь смело переходить в третье тысячелетие с его сексуальной свободой и полной эмансипацией.

— Чуть-чуть, — вздохнула Катрин, — ты чуть-чуть переборщил в своем мужском самомнении. И я тебе это припомню.

Шутя, она была серьезна. И я согласился с ней. Если переиграл, то умей признаться.

Под большими деревьями у входа в парк Сокольники было прохладно, но нас обогнали другие любители пива. Они сидели на лавочках томными рядами и сосали пиво из бутылок. Ни один из банки, все — из бутылок. Здесь собирался народ серьезный, ценители и патриоты.

Я взял в киоске четыре банки «Будвайзера».

Впереди, за круглым бассейном, поднимался серебряный пластовый купол какой-то очередной выставки. Нам бы в экспедицию такой купол — под ним свободно и не очень жарко. Под одним куполом можно устроить камералку, склад, столовую и танцевальный зал.

Нет, нельзя, придут заморенные, но гордые казачки и разрежут купол на полотна, а полотна унесут для хозяйственных надобностей. Если ты хочешь, чтобы археологическая экспедиция прожила на Кубани свой срок, то будь скромн, незаметн, плати рабочим достойно, но не очень много.

— Ты думаешь? — спросила Катрин.

Она была со мной одного роста — метр восемьдесят, и наши глаза, когда мы разговаривали, оказывались совсем рядом.

— Ты имеешь в виду процесс мышления? — уточнил я.

— Вот именно. Я вдруг тебя потеряла.

— Скоро в экспедицию, — сказал я.

— Почему ты вдруг об этом подумал?

— Увидел серебряную палатку, — показал я на купол.

— Пойдем левее, — предложила Катрин, будто не хотела, чтобы я думал об экспедиции.

Мы взяли левее.

...Скажите, почему мы должны зависеть от какого-то Нечипоренки, который и компьютера настоящего в глаза не видел? Крогиус клянется, что обсчитал бы бусы, пользуясь карманным вычислителем, быстрее, чем Нечипоренко с его лентями. А нам так хотелось получить данные до лета, чтобы успеть сдать тезисы к полевому сезону, — тогда мы получим слово на сентябрьской конференции и совершим наш небольшой переворот в отечественной археологии. Нам не поверят, и на нас даже ссылаться не станут — мало ли кто совершал небольшие перевороты? А вятичи и ныне там!

Когда я очнулся от мыслей, то понял, что Катрин идет на некотором расстоянии от меня и глядит недобро.

— Я о другом думал, — поспешил я оправдаться. — Я думал о бусах и компьютере.

В лесу, изрезанном тропинками, но почти не загаженном, Катрин постелила на траву газету. Я поставил на газету банки с пивом и две из них открыл. Они были теплыми и плевались пеной.

Солнце пробивалось сквозь молодую и остро пахнущую березовую листву. Мне захотелось березового сока, но мы опоздали: раз пошла листва, сок не побегит.

— А в детском доме я писал стихи, — сказал я. — Меня звали Лермонтовым.

— Почему не Пушкиным? — спросила Катрин.

— Потому что я имел наглость сказать, что люблю Лермонтова больше.

— А теперь?

— И теперь больше.

— Прочти стихотворение, — попросила Катрин.

— Какое?

— О котором сейчас вспомнил.

— Ты слишком прозорлива, Катрин.

— Мужчина должен думать, что свободен в своих решениях... и капризах.

— Тогда я не буду читать.

— Все равно тебе хочется.

— Я его забыл.

— Ну, как хочешь...

— Только последнюю строфу.

...А капли стучат и плещут в стакане.
Весеннее утро. Рассвет невесом.
И с каждой каплей прозрачнее станет
Мутный сначала березовый сок.

— Это не Лермонтов. Это ты.

Катрин открыла еще одну банку. Сдула пену. Я растянулся на траве и смотрел, прищурившись, на облака.

— Земля не холодная? — спросила Катрин.

— Я закаленный, я детдомовский.

— Для меня в этом есть анахронизм. Детские дома были сто лет назад. Ими командовал писатель Макаренко.

— И Железный Феликс.

— Если простудишься, раздружусь, — сказала Катрин.

Мне хотелось поцеловать ее, но ей этого не хотелось. Я спросил:

— Ты хотела бы летать?

— На самолете?

— Сама.

— Без крыльев?

— Без крыльев.

— Это называется левитацией, — назидательно сказала Катрин. — А левитации не бывает. Это мистика.

— Это мистика для первобытных землян, но не для существа высшего порядка...

Она склонилась надо мной и посмотрела на меня в упор.

— Угадай мои мысли! — потребовала она.

— Я не умею.

— Тогда почувствуй мои мысли!

— Не мучай меня. Я все равно не признаюсь, так как не хочу получить пощечину.

— Твое молчание тоже оскорбительно.

Она коротко размахнулась и дотронулась до моей щеки ладонью. Ладонь была сухой и горячей.

— Очень жарко, — сказала Катрин. — И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы наверх.

— Ты меня не спутала с кем-нибудь?

— Я тебя ни с кем не спутала. Неделью назад ты сказал мне, что любишь, когда у меня распущенные волосы.

— Ты мне нравишься в любом виде, — заверил я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Она сидела, опершись ладонью о траву. Рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин, — сказал я, — выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Ты меня не любишь, — возразила Катрин.

Я повернулся на бок, дотянулся губами до ее руки и поцеловал по очереди ее длинные загорелые пальцы.

— Если ты выйдешь за меня замуж, — сказал я, — то я всегда буду казаться тебе красивым. Как артист Янковский.

— Устанешь, — сказала Катрин. — И я устану.

— Давай попробуем.

— Ты сошел с ума, — заявила Катрин. — Ты же чужой человек. Опасный.

— Агент ЦРУ? — спросил я.

— Хуже, пришелец из космоса.

— Никто, кроме тебя, так не думает, — сказал я. — А гипнотизировать дураков я умею с детства. Ведь тебя мне не загипнотизировать?

— Разве я знаю? А может быть, я сижу здесь с тобой, потому что загипнотизирована?

Она сказала это как будто в шутку, а на самом деле серьезно. Она выпрямилась и забрала от меня свои пальцы.

— Нет, — сказал я. — Я позволил себе сделать это только один раз.

— Знаю. Когда у меня на Красной площади заболел зуб, правда?

— А ты мне даже спасибо не сказала.

Из леса вышла лосиха. У нее было грустное верблюжье лицо. Может, оттого, что она чувствовала себя неполноценной без рогов. Нас она будто не замечала. Понюхала пивные банки, глубоко вздохнула и пошла в лес, медленно переставляя ноги, словно училась ходить.

— А больше ты мне ничего не внушал? — спросила Катрин.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила визита лосихи.

Я не ответил ей, потому что лосиха обернулась от густых кустов, в которых намеревалась скрыться, и посмотрела мне в глаза.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

Мы допили пиво, а пустые банки завернули в газету и положили ко мне в дипломат. Мы были борцами за чистоту природы.

Я впервые увидел Катрин на митинге «Гринпис» на Пушкинской площади. Она там была активисткой, а я проходил мимо и загляделся на нее.

Мы вышли из парка, когда загудели первые комары, отряхивая с крылышек сладостную жару, а у входа на круге зажглись фонари, желтые в синем воздухе.

Я проводил Катрин до ее подъезда, но она не пожелала поцеловать меня на прощание. Чем-то я ее прогневил, но чем — я не догадался.

Я пошел домой пешком. Мне было так грустно, что я придумал работающий вечный двигатель, а потом доказал, почему он не будет работать. Порой так хочется опровергнуть законы физики, но пока это у меня не выходило.

Доказательство и контрдоказательство были очень сложными, и я почти забыл о Катрин.

И вдруг я понял, что, когда вернусь домой, зазвонит телефон и расстроенный Крогиус, который поссорился со Светкой и не поехал на дачу, сообщит мне, что наше открытие не состоится. Может быть, из-за неумелого Нечипоренки, а может, потому, что мы с Крогиусом дураки.

Мне не хотелось обходить широкий газон, засаженный какими-то колючими, плохо цветущими и дурно пахнущими цветочками. Я решил через него перелететь. Лететь оказалось непросто, я все терял равновесие и валился набок, отталкивался рукой от земли, чтобы снова взлететь, и все повторялось.

Разочарованный, я пошел на четвертый этаж по лестнице. Пускай лифт отдохнет.

Когда я открывал дверь, то почувствовал, что в комнате, не зажигая света, сидит кто-то чужой.

Я аккуратно закрыл за собой дверь. Потом зажег свет в прихожей. Я старался вести себя так, словно ни о чем лишнем не догадываюсь.

Человек, который сидел в темной комнате, знал, что я его обнаружил, но молчал. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — соврал посетитель, — вас долго не было.

Входя в комнату, я нажал на кнопку выключателя и спросил:

— Кофе поставить?

— Только для себя, — ответил посетитель, — я не пью кофе.

Человек, поднявшийся с дивана при моем появлении, был обыкновенен и респектабелен. Западный клерк в русском исполнении. Чтобы ему не было скучно в одиночестве, я тоже принял вид чиновника по особым поручениям.

Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, лучше поставьте кофе.

Он прошел за мной на кухню и зажег газ, пока я наливал в чайник воду.

— Неужели вы пьете растворимку? — спросил он осуждающе.

— Пью, — признался я словно в преступлении.

— Вот уж не думал, — сказал гость.

Он смотрел, как я насыпаю кофе, наливаю кипяток, размешиваю. Когда он убедился в том, что я обеспечен кофе, то повернулся и пошел обратно в комнату. Я послушно проследовал за ним.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил гость, опускаясь на диван. Он двигался не очень уверенно, словно был немного пьян или ему давил под мышками пиджак.

— Мне некогда чувствовать себя одиноким, — сказал я. И удивился тому, что принимаю так спокойно пришельца, без спросу вторгшегося в мою квартиру поздним вечером.

— Даже сегодня?

— А чем сегодня хуже, чем вчера? — спросил я.

— Почему вы до сих пор не женились? — спросил гость. Его лицо оставалось в тени, и я не видел, какого цвета у него глаза.

— Меня девушки не любят, — сказал я.

— А может быть, вы привыкли к одиночеству и предпочитаете остаться один?

— Я ценю одиночество, только вряд ли вы сможете понять почему.

— Попробуйте объяснить.

— Я провел много лет в детском доме, где слова «одиночество» не существует. И первое, что я сделал, получив эту квартиру, — запер за собой дверь, разделся догола и весь день в таком виде бродил по комнате.

— Вы правы, мне это чувство непонятно, — согласился гость.

Теперь наступила моя очередь задавать вопросы, чем я и воспользовался.

— Как вы ко мне попали?

— Я прилетел, — ответил гость. Впрочем, этот ответ я предугадал. — Окно было открыто.

Он глядел на меня, чуть склонив голову набок, словно ожидал, что я выкажу изумление. Но я не изумился. Я сам не раз пытался полетать. Только никак не мог удержать равновесия. Это труднее, чем оторваться от земли.

Человек покачал головой.

Тут я заметил, что у него на носу очки — старенькие, в толстой пластиковой оправе. Разве у него раньше были очки?

— Были, — догадался гость. — Человек в очках выглядит без-опасным. Наверное, оттого, что очки можно разбить одним ударом.

Человек с неудовольствием смотрел, как я отхлебываю кофе. Было душновато, а я пил кофе.

Человек отвернулся от меня и пошел вдоль стеллажей, читая названия книг.

— Много лишнего, — вынес он приговор. — Всего не перечитать. А если и перечитать, то ничего не получишь взамен. Чтение непр-изводительно. Скоро вы это сами поймете.

Мне не хотелось ничего понимать. Я устал, и меня клонило в сон. Может же человек хотеть спать после трудового дня?

— Итак, — сказал гость, как бы пародируя доктора, — вы не раз задавали себе вопрос: «Почему я не такой, как другие?» С раннего детства вы привыкли таиться, обманывать, лукавить, потому что нет большей опасности погибнуть в детской стае, чем показаться иным, умнее других, смелее других. Ты несешь друзьям свой талант, а дру-зья в отвращении отворачиваются или кидают в тебя камнями.

— Я такой, как все! — поспешил я с ответом, чем вызвал печаль-ную ухмылку на никаком лице гостя.

— Я полагаю, что еще в младших классах ты учился лучше, чем остальные, и тебе не составляло усилий быть лучшим... — Незамет-но для меня он перешел на «ты». Бог с ним — он явно старше. — Когда я разыскивал тебя, Гарик, — продолжал гость, — то познако-мился не только с характеристиками на тебя и анонимными пись-мами. Я убедился, что с годами ты все лучше умел притворяться, казаться тупее, чем был на самом деле.

— Чепуха!

— А кто сломал модель самолета, которая могла летать быстрее настоящего самолета?

— Это Петька Лукин на него нечаянно наступил!

— Ты толкнул Петьку Лукина. Он, кстати, в этом уверен.

— Вы и с ним говорили?

— И не только с ним.

— Вы знаете обо мне...

— Больше, чем ты сам. И знаю, как тяжело молодому человеку, мальчику заставлять себя таиться, пригибаться от славы, зная, что за вспышкой славы последует тень презрения, зависти, ненависти...

— А второй приз на районной математической олимпиаде? — спросил я, будто был не согласен с гостем.

— Второй! А почему не первый на городской олимпиаде? А специальную стипендию на физическом факультете университета ты не смог бы получить?

Я пожал плечами. К чему этот напор и натиск?

— И дернуло же тебя идти на исторический!

Я понял, что он говорит, не раскрывая рта. А я слышу его. Неужели он телепат?

— Не отвлекайся! — потребовал гость. — Ответь мне честно: зачем ты пошел на исторический — в эту тупиковую псевдонауку?

— Потому что я люблю историю. Потому что я родился археологом. Потому что вернуть к жизни прошлое — значит дать новую жизнь людям, которые надеялись на бессмертие и оказались забыты. Это мои счета с вечностью.

— Перестань! — приказал гость. — Прошлое не может интересовать сознательное существо. Есть только будущее, и туда должен быть устремлен разум.

— Видно, мы с вами по-разному относимся к мирозданию.

— Мы не можем относиться по-разному, — сказал гость, — потому что вся ваша история — это всплески молодой энергии, это тупиковые ветви растущего сознания.

— И я буду таким, как вы?

— Вот именно, — обрадовался гость. — Мы одной крови — ты и я.

— Не понимаю.

— Поймешь, сейчас поймешь. Давай задумаемся о твоих способностях, о тех качествах, которых лишены твои друзья и знакомые. Например, о силе внушения. Ты же можешь внушить любому человеку что угодно!

Гость тут же превратился в небольшого каменного сфинкса. Сфинкс заговорил голосом гостя:

— Надеюсь, этим я тебя не удивил?

— Чего уж там! — ответил я и превратился в верблюда. Ведь сфинкс одиноко без нормального верблюда по соседству. Если бы

нас увидела Катрин, она бы влезла на верблюда и стала кататься вокруг сфинкса.

— Отлично получается! — похвалил меня гость. — Но это лишь верхушка айсберга. Многие твои качества еще дремлют. И их открытие впереди.

— А что я умею делать?

— Скоро ты научишься летать. Невысоко и с большой тратой душевных сил, но научишься обязательно. Тебе уже хочется подниматься в воздух.

— Разве это не нарушение физических законов?

— Смотри каких законов, — проворчал гость. — Ты же не знаешь современной физики.

— Чего я еще не знаю? Современной химии? Современной биологии?

— Ты не безнадежен. Но продолжим перечисление твоих способностей. Ты быстро читаешь?

— Более или менее.

— Чепуха! Тебе достаточно взглянуть на страницу — и ты запоминаешь ее целиком. В классе ты тщательно таил этот талант, чтобы не вызвать зависть друзей. Ты складываешь, вычитаешь, извлекаешь корни с такой легкостью и быстротой, что мог бы с успехом выступать на эстраде. Ты уже сейчас можешь не спать несколько суток и столько же обходиться без еды.

— Мне не приходилось еще обходиться несколько дней без еды.

— Попробуй. Как существу, обладающему особыми способностями, тебе неудивительны такие способности в других. Ты умудрился не удивиться моему появлению в запертой квартире и заявлению, что я взлетел на четвертый этаж.

— Удивился, удивился!

Но он уже не слушал меня. Его голос дрожал от пафоса:

— По принятым меркам, ты — потенциальный гений! Но далеко не всеми своими способностями ты умеешь распоряжаться и о большинстве их даже не подозреваешь.

— Значит, я, слава богу, не гений! — прервал я. — Потому что просто гения не бывает. Гений — это особое развитие таланта. Конкретного таланта.

— Давай не будем спорить по пустякам!

— Ничего себе — пустяки! Ко мне приходит незнакомый человек и объявляет меня гением. Затем, правда, сообщает, что я еще ничего не могу и не умею. А вы умеете?

Ничего не ответив, гость растворился в воздухе и окликнул меня сзади, из дверного проема. Потом не спеша подошел к книжному стеллажу и показал другой фокус — вынул книгу и кинул ее перед собой. Книга замерла в воздухе. Мне очень хотелось, чтобы она, болезная, поскорее упала куда-нибудь, не мучилась. Но через полминуты с некоторым напряжением, скривив рот, гость поставил ее на место.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это далеко не все! — Гость говорил напыщенно, словно предоставлял мне Британскую энциклопедию, а я, дурак, не мог оценить величия этого многотомника.

— С меня достаточно.

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. В отличие от друзей-детдомовцев, я вижу тебя насквозь.

Я покорно склонил голову.

Нельзя сказать, что я не был заинтригован. Более того, я вовсе не думал, что мой гость — фокусник или жулик. В нем была сногсшибательная искренность, граничившая с занудством. У таких людей не бывает чувства юмора.

— Однако я должен тебя предупредить, — сообщил гость, — что в полном объеме ты сможешь раскрыть свои возможности, только если окажешься в окружении себе подобных.

— Вы хотите сказать, что я мутант? — вздохнул я. — Что я генетический урод? Но не один в своей беде?

— Нет, — серьезно возразил гость, — объяснение твоим странностям лежит в том, что ты здесь чужой.

— Где здесь?

— На Земле.

— Нет. — Я сопротивлялся как лев. — Я родился в поселке Дворцы Вологодской области. Мои родители погибли при лесном пожаре. Вернее всего, они были туристами. От них и следа не осталось. А я выжил. Меня нашли пожарные и принесли в поселок.

— Ты это помнишь?

— Это есть в документах. Когда меня брали в детский приемник, то все это записали.

— Ты сам не уверен в том, что говоришь.

— Ну, я же был маленький! Вот такой маленький!

— Тогда выслушай правду. И не возражай, хотя она покажется невероятной. Тебя потеряли. Тебя потеряли и думали, что ты погиб вместе с родителями.

— Вот именно, — сказал я.

— Не перебивай. Твои родители находились на космическом корабле. На разведывательном космическом корабле. Их корабль потерпел бедствие. Он погиб. Тебя успели выбросить из корабля в спасательной капсуле. Потом корабль упал. Лес загорелся. Пожарные очень удивлялись, почему ты не пострадал. Но тебя же окружало силовое поле. До тех пор, пока твоей жизни грозила опасность.

Я слушал его и внутренне соглашался. Потому что он был вполне серьезен и деловит, как почтальон, принесший вам повестку в суд. Его дело — сообщить. Ваше дело — явиться. Но меня-то мучило совсем другое.

— Допустим, — сказал я, — что вы правы. Тогда как я должен выглядеть... как я выгляжу на самом деле?

— Примерно так же, как ты видишь себя в зеркале.

— То есть я — человек?

— Определение неточное. Но если ты слышал о панспермии...

— Да. Если верить этой теории, все люди в Галактике произошли из одного семени. Они все — люди!

— Именно так! Ты понимаешь, что мы не всесильны. Как мы могли бы запрограммировать тебя на много лет вперед?

— Ну и слава богу, — сообщил я с облегчением. — Я боялся, что вы сейчас сообщите, что я — разумный паук в человеческой оболочке.

— Глупости!

— И генетически я тоже человек?

— Разумеется. Ты можешь здесь жениться, иметь детей... Но этого не будет.

— Почему же?

— Неужели ты полагаешь, что мы потратили столько лет и невероятные усилия ради того, чтобы выслушать твой неразумный отказ?

— Может быть.

— Ты не поверил мне?

— Я вам поверил. Вы не умеете врать!

— Вот именно! — Впервые в его голосе прозвучало чувство. Он гордился своей правдивостью.

— А я научился.

— Разучишься. Тебе не понадобится более таиться и лгать.

— Не хотите ли вы сказать, что приглашаете меня в гости?

— Я предлагаю тебе вернуться домой.

КИР БУЛЫЧЕВ
ТЕАТР ТЕНЕЙ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 07.02.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 62,72. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-36648-01-R